ДИАЛЕКТИКА ЕДИНСТВА

КНИГИ киргизских критиков до последних лет в Москве не издавались как, впрочем, не изданы здесь и многие работы, принадлежащие перу критиков и литературоведов из других национальных республик. В лучшем случае «республиканская» критика пробивается к московскому, а следовательно, и всесоюзному читателю в виде отдельных статей на страницах центральной газетно-журнальной периодики. Не думаю, чтобы такое положение было нормальным. Происходит не только выравнивание эстетического уровня национальных литератур, о котором ныне всюду пишут, но и выравнивание профессионального уровня литературно-критического сознания. Новая общность литературного процесса порождает общность проблем художественного развития, а национальная специфика литератур высвечивается на фоне их нарастающего взаимодействия. В полной мере осмыслить то и другое без широкого обмена научной и литературно-критической информацией сегодня уже невозможно.

Киргизская критика подобную информацию, несомненно, в себе несет — здесь активно выступают К. Асаналиев, К. Бобулов, Т. Аскар-ов, А. Садыков, К. Даутов, Е. Озмитель, А. Иркинов, Г. Хлыпченко, М. Рудов и другие. Появляются и перспективные имена молодых — назову хотя бы А. Эркебаева. В известной степени выход в издательстве «Советский писатель» сборника статей М. Борбугулова «Единство национального и интернацио-

нального» отражает успехи киргизской критики и литературоведения в целом, и хочется надеяться, не будет в московской издательской практике единичным.

Надо, однако, верно понять причинно-следственные связи: книга М. Борбугулова не потому заслуживает внимания, что вышла в Москве, а потому вышла, что заслу-

сравнении. Вот, например, очень сложный и по-разному толкуемый вопрос о влиянии фольклора на литературу. То, что такое влияние в младописьменных литературах ощущается особенно сильно, факт широкоизвестный и не нуждающийся в дополнительных доказательствах. Однако очевидность влияния, будучи в свое время достаточ-

ей «выскивать какие-то древние пласты художественных конструкций» в произведениях Ч. Айтматова. Вместе с тем он справедливо возражает и против попыток «перенесения» современных критериев художественности на раннюю стадию развития литературы.

С этой точки зрения М. Борбугулов может показать-

мифа, легенды, предания в свете мирового художественного опыта нашего столетия.

Сам факт постоянного использования фольклорного опыта в творчестве одного из крупнейших киргизских прозаиков автор книги отнюдь не склонен трактовать в сколько-нибудь уничижительном значении, напротив, он видит здесь объективный (возможно, даже не «запрограммированный» художником) смысл, отражение закономерности развития данной национальной литературы, явление, при всей своей противоречивости, обогащающее палитру романиста. И вряд ли прав А. Эркебаев, предьявляя М. Борбугулову в своей содержательной рецензии на страницах журнала «Дружба народов» (№ 8, 1981 г.) упрек в том, что его анализ не охватывает всей многоплановости романов Т. Сыдыкбекова («героики трудя советских людей во время Великой Отечественной войны», «эпиклопедического изображения эпохи коллективизации киргизского аила» и т. п.). Конечно же, не охватывает, но ведь и не ставит целью охватить, ибо, как признает сам рецензент, художественный материал в данном случае «интересует литературоведа лишь с одной стороны — со стороны фольклоризма».

М. Борбугулов демонстрирует глубокую и действенную осведомленность в теории и истории фольклора, хотя его увлеченность параллелями иногда может вести и к некоторым натяжкам. В отдельных случаях критик как будто бы и сам ощущает правомерность возражений

типа: «...почему столь естественное чувство героя, источником которого является сама жизнь, должно быть рассмотрено в русле старинной традиции?» В общеметодологическом плане, однако, плодотворность позиции автора не вызывает сомнений. Он возвращается к старой проблеме, но на новом уровне, значительно усложняя наши представления и о фольклорной традиции, имеющей свою «диалектику и эволюцию», и о бесконечно меняющихся, но сохраняющих художественную продуктивность взаимоотношениях фольклора и литературы. Впечатление, будто К. Асаналиев стремится «развести» современную киргизскую литературу с фольклором, а М. Борбугулов, напротив, лишний раз указать на их связь, было бы ошибочным. На самом деле и в том, и в другом случае отчетливо ощутимы поиски свежего взгляда на вопрос, отказ от стереотипных трактовок.

Исследование связей киргизской литературы с фольклором для М. Борбугулова не самоцелью — здесь открывается одна из важнейших граней становления реализма в национальном художественном сознании. Автор не намерен «улучшать» историю киргизской литературы, подчеркивая, что путь к реализму был сложен и противоречив, но он не был непременно путем от фольклора. В процессе развития реализма обращенность к фольклору приобретала все более опосредованный характер, уходила на глубину, но не исчезала. Рядом с фольклорным источником возник новый — художественный опыт русской и советской классики.

Пристальное и заинтересованное внимание к нацио-

нальному фольклору не мешает увидеть и оценить значение этого художественного процесса во всем его громадном историческом объеме. Он остро полемизирует как с тенденцией преувеличивать роль «литературной учебы и влияния», так и с попытками «игнорировать интернациональный эстетический опыт», замыкая литературу в самой себе, в одной какой-нибудь герметически изолированной национальной традиции. «Постоянный переосмысление традиций, — пишет М. Борбугулов, — нужны для того, чтобы киргизская литература... не оставалась в младенческом возрасте». Не стоит «инфантилизму выдавать за национальную особенность».

Естественно, что книга М. Борбугулова не лишена недостатков. Первые две главы ее отличаются более высоким научным уровнем, нежели три последующие. «Заметки о развитии киргизской драматургии» производят впечатление скороговорки, а эстетический критерий в оценке отдельных произведений явно занижен. Poleмика порой имеет слишком резкий (как в случае с Ш. Уметаллыевым) или слишком частный характер, что особенно бросается в глаза, когда она обращена к работам, попросту недоступным всесоюзному читателю...

Эта книга, однако, привлекает своим общим исследовательским пафосом и одновременно живым критическим темпераментом, оригинальностью анализа, широтой и перспективностью заявленных в ней позиций.

В. КОВСКИЙ,
старший научный сотрудник института мировой литературы им. А. М. Горького.

Проблемы национального и интернационального в киргизской критике

живает внимания. Формально организованная как сборник статей, книга эта в действительности сборником не является: перед нами целостный круг мыслей и проблем, дингуемых общим замыслом и концепцией. По существу, М. Борбугулов характеризует пути и судьбы своей национальной литературы лишь в свете двух главных вопросов: что означает для киргизской литературы контекст общесоветского художественного развития, и каковы с этой точки зрения здесь внутренние взаимоотношения фольклора с реализмом. При этом автор вовсе не стремится дать сколько-нибудь полный обзор национального литературного процесса; отсюда и «выпадение» ряда имен: в центре книги прежде всего методологические проблемы самого литературоведения и критики, поставленные на том конкретном художественном материале, который наиболее убедительно их освещает.

Своеобразие позиции исследователя хорошо видно в

но серьезно осмысленной (в том числе — и как реальное препятствие на пути развития профессиональной литературы), требует теперь от литературной критики новых подходов. Всплеск мифологических интонаций, свойственный отнюдь не только младописьменным литературам, но и всей мировой литературе XX века, от Томаса Манна до Чингиза Айтматова, прямым «давлением» фольклора никак не объяснишь. С другой стороны, слишком легко отнести за счет подобного рода воздействия обычные художественные слабости и просчеты: схематизм, поверхностность психологического анализа, описательность и т. п.

Поэтому, скажем, книга К. Асаналиева «Движение во времени», изданная во Фрунзе в 1978 г., вся пронизана пафосом полемики с неоснованным «подтягиванием» современной киргизской литературы к фольклору. Автор ее, в частности, постоянно и по большей части убедительно спорит с тенденци-

ей оппонентом К. Асаналиева: он не только аргументированно вскрывает явную зависимость киргизской прозы от фольклора на раннем ее этапе (блестяще, например, выполнен анализ рассказа К. Баялинова «Аджар»), но и идет в своей концепции гораздо дальше, подвывая скрупулезному и тонкому исследованию одновременную связь «и с фольклорным наследием, и с опытом русской советской литературы» целого ряда произведений Т. Сыдыкбекова (романы «Темир», «Люди наших дней», «Среди гор»). Сделать это, мне кажется, гораздо труднее, чем в со-тый раз (как делают многие критики) обнаруживать и без того очевидные мифологические линии в прозе Ч. Айтматова, которая тем не менее все еще ждет глубокого исследования в этом плане, если иметь в виду не прямые, органические ее контакты с народно-поэтическим творчеством, а, скорее, чрезвычайно искусное и целенаправленное литературное преломление

23 ОКТ 1984

Советская Киргизия
С. Фрунзе

2207